

МЕЙЕР ФОРТЕС*

О ЦЕРЕМОНИЯХ ВОЗВЕДЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ**

Аннотация: В статье анализируются церемонии введения в должность как церемониальные формы, заключающие в себе подчинение некоторому санкционирующему авторитету. Обращая внимание на сходство таких церемоний в разных обществах, автор ставит вопрос о природе должности и правил, регулирующих наследование должностей. Церемонии этого вида рассматриваются как церемониальные комплексы, заключающие в себе ряд типичных стадий и общих элементов. Их анализ начинается с рассмотрения разных случаев введения в должность, обнаруживающихся как в западных обществах (прежде всего, британском), так и в незападных (талленси, лози, ашанти и т.д.).

Abstract: In this paper inauguration ceremonies are analyzed as ceremonial forms involving submission to some sanctioning authority. Drawing attention to the similarities of such ceremonies in various societies the author poses questions on the nature of office and of the rules that govern succession to office. Ceremonies of that kind are treated as ceremonial complexes containing a number of typical stages and common features. Their analysis begins with considering various instances of inaugurations found in different societies both Western (especially British) and non-Western (Tallensi, Ashanti, Lozi etc.).

Ключевые слова: ритуал, церемонии введения в должность, церемонии коронации, междуцарствие, талленси.

Keywords: ritual, inauguration ceremonies, coronation ceremonies, interregnum, Tallensi.

I

В прошлом году я выбрал для президентского обращения классическую антропологическую тему, чтобы подчеркнуть особый характер антропологических познаний и исследований. Тотемизм позволил мне рассмотреть ещё один животрепещущий вопрос. Я попытался обозначить его в том противопоставлении, которое провел между схемой анализа, сфокусированной на акторе, и схемой анализа, сфокусированной на сообщении. С точки зрения первой тотемистические обряды – это, в первую очередь, моральные императивы, содержание которых объективируют нормы и принципы, фокусирующие представление лица о собственной социальной идентичности и о своей приверженности собственным ролям и статусам (см. прим. 1).

Моя теперешняя тема некоторым образом связана с предыдущей. 14-е издание «*Encyclopaedia Britannica*» (1929) предлагает такое определение возведения в должность: это «действие по возведению, или официальному введению, кого-то в занятие некото-

---

* Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

** Президентское обращение к Королевскому антропологическому институту 1967 г. Перевод сделан по изданию: Fortes M. On Installation Ceremonies // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. № 1967. 1967. P. 5-20.

рой должности или места», — а занятие должности, разумеется, означает, по крайней мере, приверженность особым ролям и обязанностям. Ну и, кроме того, возведение в должность — тема, которая, видимо, особенно подходит для обращения уходящего президента этого Института. Это выражение, гласит далее определение в энциклопедии, «используется в отношении церемониального возведения церковнослужителя (например, каноника или пребендаря) на его место в церковном хоре. Так же и рыцари в рыцарском ордене церемониально возводятся на их места в капелле их орденов». Увы, боюсь, мы не сможем возвести моего преемника в должность в стиле, достойном каноника, пребендаря или рыцаря ордена Подвязки. Но не будем отчаиваться; антропологический взгляд на эти церемонии показывает, что возможностей здесь пруд пруди.

Походя я уже уделял внимание церемониям возведения в должность в одной из прежних публикаций (см. прим. 2). Там меня интересовал вопрос о том, почему социальное признание таких изменений в значимом статусе зачастую принимает ритуальную форму. Теперь же я хочу обсудить внутреннюю организацию церемоний возведения в должность; но у этого есть интригующий внешний аспект. Почему вхождение в должность, особенно высокую должность, обычно принимает церемониальную форму, в которой признается подчинение некоторому санкционирующему авторитету? Это очевидно в случае таких старомодных обычаев возведения в должность, как Коронация нашего Суверена. Почему президент Соединенных Штатов Америки приносит присягу перед лицом председателя Верховного суда? Почему президенты новых африканских государств, вступая в должность, подчиняются этой же санкции легитимности? Почему они не завладевают своим постом просто посредством личного указа?

Здесь кроется одна из причин того, почему церемонии возведения в должность обладают очарованием для социального антрополога. Конечно, есть и линия преемственности, восходящая, среди прочих, к Фрэзеру и Ван Геннепу, а если точнее — к обойденному вниманием первопроходцу в этой области А.М. Хокарту (см. прим. 3). Но есть наряду с этим и более знакомая сторона. В самом широком смысле, возведение в должность происходит в нашей социальной жизни постоянно и повсеместно. Если это не посвящение в сан, торжественное введение или возведение в должность, восхождение на престол или приведение к присяге каноника, пребендаря, епископа, судьи или пэра — то столь же церемониальное возведение в должность президента или председателя Верховного суда в какой-нибудь новой африканской или азиатской республике. В моей профессиональной среде ежегодно происходит инаугурация нового вице-канцлера, не проходит и года без введения в должность нового главы колледжа. Вряд ли удастся открыть газету без того, чтобы прочитать о возложении должностных полномочий на какого-нибудь мэра или об официальном назначении какого-нибудь председателя местной торговой палаты. Телевидение и кино познакомили многие тысячи людей в нашей стране и за рубежом с блеском и великолепием коронации, наиболее возвышенной из церемоний введения в должность. Многие из нас благодаря этому смогли отчасти пережить эстетическое возбуждение и патриотическое единение, вызываемые этой церемонией. А если кому-то еще довелось быть свидетелем введения в должность восточного или африканского правителя или жреца — или даже просто узнать об этом из литературы, — то он не сможет не поразиться общим чертам всех этих церемоний, к которым привлекли наше внимание такие ученые, как Хокарт.

Вполне ожидаемо, что церемонии коронации средневекового монарха в Англии или на континенте будут очень похожи на современные церемонии коронации, прямо от них происходящие (см. прим. 4). Но куда удивительнее обнаружить те же ритуальные формы и элементы в возведении в должность африканских правителей и в обрядах восхождения на престол восточных монархов, таких, например, как прежние короли Сиама (см. прим. 5). Легко понять, почему они так могущественны, ведь в этих церемониях каким-то образом закрепляется мистическое качество преемственности во времени — кристаллизуются его организация и ценности, имеющие фундаментальное значение для представления о себе любого общества, будь то современное, архаическое или примитивное. Это тотальные институты, в том широком смысле, в каком говорил о них Марсель Мосс (см. прим. 6). Политика и право, ранг и родство, религиозные и философские понятия и ценности, экономика показательных проявлений и гостеприимства, эстетика и символизм институциональной репрезентации и, не в последнюю очередь, социальная психология народного участия — все сконцентрировано в них.

В литературе на эту тему (см. прим. 7) часто употребляются термины «возведение в должность», «вступление в должность», «введение в должность», «коронация» и т.п.; при этом предполагаются разные вариации одного и того же вида институционального упорядочения. В частности, «рукоположение» и «посвящение в духовный сан» (о которых мы говорим только применительно к церковным должностям) часто сравнивались с коронацией и схожими политическими церемониями и фактически считались их прототипом. Это сравнение находило поддержку в доктринах раннего средневекового королевства в Европе, в которых король рассматривался как *rex et sacerdos*, а его сан — как родственник священническому благодаря помазанию, таким признакам, как священнический характер коронационных костюмов, а также его чудесной способности исцелять людей от золотухи (см. прим. 8). Обнаруживаются следы этих идей и в современных обрядах коронации (см. прим. 9). Не приняв их во внимание, понять африканские и восточные возведения в должности невозможно (см. прим. 10).

При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется, что эти термины акцентируют разные черты или стадии единого церемониального комплекса. Слушая однажды повторную радиотрансляцию церемонии рукоположения Архиепископа Кентерберийского, я был поражен тем, что ведущий службу священник пользовался терминами «введение», «возведение на престол» и «возведение в сан» для описания разных компонентов совокупной церемониальной последовательности. Ректор моего колледжа в Кембридже сначала *принимается* на свою должность вне стен колледжа, а затем уже *вводится в должность* в его стенах. В Великобритании древняя церемония коронации разделяется на несколько действий. Во-первых, это секулярная группа действий, состоящая из признания, клятвы верности, коронования, инвеституры и возведения на престол; во-вторых — религиозные элементы помазания и принятия святого причастия. Первые драматически выражают политические и конституционные функции и обязательства монархии, вторые отражают связи монархии с церковью и особенно веру в то, что она покоится на Господней благодати и поддержке (см. прим. 11).

Заметную роль в этих церемониях играют церковнослужители. Так, нашего Суверена утверждает в должности не политический или судейский чиновник, а выс-

шее должностное лицо в нашей национальной церкви, выступающее от имени высших религиозных ценностей сообщества. Можно понять, почему решающим обрядом здесь оказывается кульминационный сакраментальный акт — помазание с его библейской хартией. В Азии и Африке королей тоже утверждают жрецы, и этому есть масса подтверждений в литературе (см. прим. 12). Если допустить разницу в масштабах роскоши и символической сложности, то наши церемонии коронации и возведения в должность легко сопоставить по структуре с соответствующими институтами в этих ареалах.

Между тем, наряду с наличием известных описательных параллелей, в связи с этими церемониями возникает ряд важных теоретических вопросов. Самый очевидный — вопрос о природе правил, регулирующих наследование высокой должности. Недавно опубликованные материалы круглого стола по этой теме (см. прим. 13) показывают, насколько изменчивыми и сложными они бывают и насколько подвержены манипулированию и адаптации даже самые формальные и фиксированные правила.

Любопытно, что это часто проявляется в промежутке — который можно назвать междуцарствием — между физическим появлением вакансии в силу смерти прежнего обладателя должности (или какого-нибудь эквивалентного ему прекращения нахождения в должности) и окончательной легитимацией наследника путем введения в должность. Важна хорошо заметная в каждом добротном описательном отчете комплементарная связь между процедурами и обрядами, определяющими входную точку карьеры в должности, с одной стороны, и точку выхода из нее, с другой. Траурные и похоронные обряды и связанные с ними политико-правовые процедуры, посредством которых прекращается занятие должности, прерванное смертью, и соответствующие процедуры, посредством которых в некоторых обществах осуществляется смещение с высокой должности, часто оказываются зеркальным отражением обрядов и процедур, путем которых пребывание в должности иницируется. Эта связь коренится в природе должностей. Короли умирают, королевство остается; вообще говоря, каждая установленная должность превосходит по продолжительности существования период жизни тех, кто ее занимает. Похоронные церемонии отделяют должность от ее умершего обладателя; церемонии введения в должность вновь ее заполняют. Отсюда понятно, что эти два процесса обычно зеркально отражают друг друга.

Итак, один из основных интересов к обрядам и церемониям введения в должность определяется тем, что они проливают свет на природу должности. Я уже писал (см. прим. 14), что есть резон считать должность особым вариантом общего феномена статуса в социальной структуре. Это не общепринятый взгляд. Д-р Гуди, например, опираясь на старую традицию, ограничивает понятие должности «высшими ролями, вхождение в которые является ограниченным и избирательным»; т.е. речь идет о «дефицитном ресурсе», таком, как пост короля или вождя (см. прим. 15). На мой взгляд, это не так важно, как вопрос о том, неизменно ли должность несет в себе власть и авторитет. Раньше (см. прим. 16) я придавал больше значения обязанностям и ответственности, исторически и этимологически предполагаемым понятием должности, поэтому меня интересовало, каким образом церемонии введения в должности закрепляют за теми, кто их занимает, их ответственность перед обществом за надлежащее исполнение порученных должностям функций. Рассматриваемая таким образом, должность — какие бы власть и авторитет она в себе ни несла — ока-

зывается собственностью общества, доверяемой конкретному лицу если не пожизненно, то на некоторый оговоренный срок. Можно понять, почему понятие единой корпорации, взятое в нашей стране у таких социологически мыслящих юристов, как Мэн (см. прим. 17) и Мейтленд (см. прим. 18), здесь полезно (см. прим. 19). Оно идентифицирует должность как постоянную социальную сущность, находящуюся во владении общества и отличную от временного ее обладателя; и, как бы метафизически это ни звучало, оно ближе к реальности, которую мы хотим выделить, чем традиционные антропологические интерпретации. Яркую иллюстрацию мы находим у Эванс-Притчарда в повторном анализе священного королевства у шиллуков. Он показывает, как должность обособляется от своих обладателей и как это объективируется в фигуре Ньяканга и драматически выражается в притворной битве, входящей в обряды возведения на трон (см. прим. 20). Его афористическая итоговая формула «королевский пост завладевает королем» (см. прим. 21) ясно отражает суть дела.

Чего не может объяснить юридическая теория, так это действительного ритуала и церемониальных процедур, за счет которых должность обретает жизнь и увековечивается; объяснить их могут только антропологические наблюдения и анализ. Мы, стало быть, чувствуем взаимность в связи между занимаемой должностью и тем обществом, в которое она инкапсулирована. Отсюда понятно, почему вакантность должности, если она неправильна и чрезмерна, воспринимается как аномальная и почему в этом случае ожидают крушения закона и порядка, нравственности и религии, а в африканских обществах — даже упорядоченности и благосклонности природы. Парадокс в том, что введение в должность предполагает вакантность должности; посему заполнение, опустение, подвешенное состояние и перезаполнение должности могут рассматриваться как цикл, состоящий из чередующихся фаз порядка в структуре и делах общества и временного беспорядка, подталкивающего к усилиям по восстановлению порядка.

II

Разумеется, полный анализ церемоний введения в должность должен был бы охватить весь цикл нахождения в должности: от акта вступления в должность — через процесс выхода из нее — до ее вакантности, подвешенного состояния и финальной реанимации посредством введения в нее нового лица. Но это слишком масштабное дело, чтобы заняться им сейчас, а потому мне придется довольствоваться лишь аллюзиями к иным фазам, нежели введение в должность в собственном смысле слова. В частности, я буду принимать как само собой разумеющееся определение права на замещение, великолепно освещенное д-ром Гуди и его сотрудниками.

Перейду теперь к этнографии этого предмета и, в полном согласии с духом эмпиризма, начну с родных мест. Одна из простейших церемоний, с которыми я сталкивался, — введение в должность ректора моего колледжа (Королевского колледжа в Кембридже). Газетный отчет о последней такой церемонии, явно базирующийся на авторитетной информации (см. прим. 22), гласит: «В короткой церемонии в освещенной свечами часовне, к которой были допущены только члены совета колледжа, д-р Лич принял ключи от Королевского колледжа и занял кресло ректора» (см. прим. 23). Дальше в статье рассказывается о шагах, предшествовавших этой церемонии: отставке прежнего обладателя этого поста, избрании его преемника советом колле-

джа и последующем принятии его кандидатуры вне стен колледжа инспектором — епископом, в чьем ведении эта прерогатива находилась со времен основания колледжа членом королевской семьи в XV в. Чтобы быть таким образом принятым, человек, избранный ректором, едет в сопровождении младшего коллеги в резиденцию епископа в Линкольне. Он предъявляет заверенное печатью колледжа письмо, удостоверяющее, что он был должным образом избран. Затем делает торжественное заявление, в наши дни очень короткое и формальное, обязуясь управлять колледжем (как пишет газета) «согласно его уставу и делать всё, что в его силах, отстаивая его интересы». После этого он преклоняет колени перед епископом, а тот, обхватив его руки своими руками, торжественно объявляет его «принятым, признанным и облеченным полномочиями» в качестве ректора во имя Отца и Сына и Святого Духа (эта же ритуальная фразеология используется, когда проректор университета присваивает степени выпускникам, а главы колледжей принимают членов в советы колледжей). Теперь ректор облечен полномочиями, но еще не введен в должность. Для последнего он должен вернуться в вотчину, которой будет управлять. Здесь, в часовне, которая является святилищем и усыпальницей, посвященной предку-основателю, и, следовательно, высшим материальным воплощением преемственности и святости колледжа как корпорации, его сопровождающий представляет его собравшимся членам совета колледжа. Зачитывается вслух письмо от инспектора, удостоверяющее облечение его полномочиями; он вновь делает свое заявление; его просят расписаться в книге ректоров, что он тут же и делает. Затем проректор берет его за правую руку, проводит и усаживает на его место, говоря следующие слова: «Вот я усаживаю вас на место, предназначенное для вашего служения, и передаю вам ключи от колледжа; и, наконец, ввожу вас в реальное, действительное, осязаемое владение вашей должностью, со всеми прилагающимися правами и регалиями». Ничто не смогло бы лучше прояснить направленность этой церемонии. Именно она окончательно делает человека, избранного ректором, собственно ректором, соединяет человека с должностью и вручает ему его сферу деятельности. Чтобы окончательно это закрепить, ректор немедленно осуществляет характерное и отличительное право, присущее его должности. Он официально утверждает новоизбранных членов совета. Далее следует совместная трапеза, какой обычно отмечают праздничные события.

Это скупое описание, конечно, не воздает должного торжественности этого события как для членов совета колледжа, так и для ректора. Оно не передает чувства взаимного расположения и корпоративной солидарности, порождаемого этим событием. Можно добавить, что уставом предусмотрено, что должности такого рода не должны оставаться вакантными дольше, чем в течение строго ограниченного времени. Даже в этом близком и родном для меня кругу междущарствий чрезмерного затягивания дела не трепят.

Неудивительно, что этот же общий паттерн мы находим в церемониях введения в должность и возведения на престол высокопоставленных чинов в Церкви Англии и, как мне кажется, в других христианских деноминациях. Кембриджские колледжи, разумеется, являются частью того же социального и политического комплекса, что и Церковь, и имеют важные идеологические связи с ней. Когда на престол возводится Архиепископ Кентерберийский, Генеральный викарий приводит его к присяге, он целует Кентерберийское евангелие, и декан Кентерберийского собора усаживает его на традиционное кресло святого Августина, объявляя: «Сим

подвожу, ввожу и возвожу вас на трон, преподобный святой отец, как Архиепископа Кентерберийского».

Церемония интронизации епископа Эли начинается с его прибытия к Западным воротам Собора в сопровождении архидиакона Кентерберийского и других высоких церковных чинов. От него требуется предъявить мандат, полученный от Архиепископа Кентерберийского, после чего его вводят в собор. Там декан приводит его к присяге, и он клянется «ревностно блюсти уставы, обряды и обычаи Соборной Церкви». Он кладет руку на открытое Евангелие и целует книгу, скрепляя свою клятву. Далее следуют молитвы; затем декан и архидиакон Кентерберийского собора провожают епископа на его епископское место. Зачитывается вслух мандат, и архидиакон, «стоя по правую руку от епископа», поворачивается к нему лицом и зачитывает вслух Декларацию об интронизации, в соответствии с которой он – во имя Господа и с благословения Архиепископа – вводит, сажает и возводит епископа на престол, буквально усаживая его на его место. Тем самым он объявляется введенным в «реальное, действительное и осозаемое владение епископским саном... с прилагающимися к нему правами, достоинствами, почестями, привилегиями и регалиями». Затем декан и каноники по очереди преклоняют колени и «оказывают ему причитающееся почтение», и, наконец, епископ читает проповедь и благословляет собравшихся (см. прим. 24). Тем самым епископ вводится в должность и демонстрирует свое право на нее и принятие ее, выполняя действия, характеризующие его статус и обязанности епископа. Обратим внимание на условия его пригодности для должности и права на ее занятие. У него есть мандат, удостоверяющий, что его выбрал высочайший церковный авторитет. Но еще до этого – и часто задолго до этого – он был посвящен возложением рук, как того требует Книга общей молитвы. Его возвышение получило также одобрение государства. Параллель с правилами обретения права восхождения на высокую должность по наследству в данном случае очевидна.

Значимой особенностью этих церемоний повсюду является то, что они достигают кульминации в непосредственном осуществлении лицом, только что введенным в должность, характерных для нее прав или полномочий. Коронация нашего монарха достигает пика в восхождении на трон, после чего следует принесение присяги духовными и мирскими лордами. Это акты, не принадлежащие по своей природе религиозному контексту Церкви. Наш монарх автоматически, как престолонаследник, наследует королевский пост сразу же после кончины его прежнего обладателя и задолго до коронации, поскольку наша конституция не допускает междуцарствия (см. прим. 25).

На следующий день после провозглашения восхождения на престол королевы Елизаветы II ей принесли клятву верности все члены парламента и пэры. Таким образом, принесение присяги после ее коронации было по сути подтверждением уже существующей верности ее подданных. Тем не менее, как и у ее предшественников на протяжении тысячи лет, присяга «магнатов посредством феодального поцелуя» служила драматическим воплощением ее суверенной верховной власти (см. прим. 26).

Было бы очень интересно исследовать специфическую символику, так величественно и драматично воплощающуюся в коронации и родственных ей церемониях введения в должность. Но здесь меня интересует другое: какие общие черты роднят их с такими же церемониями в других частях земного шара? Продуманную парадиг-

му нам предлагает Хокарт (см. прим. 27). Для стоящих передо мной задач общую структуру этих церемоний можно сжато представить следующим образом:

1. Кандидат должен быть признан наделенным легитимным правом на принятие должности.

2. Претендент не может, воспользовавшись правовой, моральной или религиозной прерогативой, вступить во владение должностью при помощи собственного одностороннего действия. Должность ему передают функционеры, которые ее не занимают и часто не могут легитимно занимать.

3. Должность вручается представителями сообщества или от его имени, а также обычно от имени высшего или верховного политико-юридического, морального или религиозного авторитета, признанного в традиционной хартии должности. Тем самым, в эти церемонии регулярно входят высшие ценностные предпосылки, соотносимые со сверхъестественными агентами и космологическими представлениями и мифами.

4. В процессе вступления в должность с регулярностью проявляются несколько отдельных шагов. Вначале может быть акт *вступления* (как у нашего монарха), который передает должность в руки того, кто ее занимает, но не может автоматически передать ему принадлежащие ей полномочия, авторитет или ответственность. Далее может следовать или проистекать из него обряд *облечения должностью*; в нем должность официально вручается обладателю. Собственно *введение в должность* передает лицу, надлежащим образом ею облеченному, присущие ей полномочия и регалии и, тем самым, вводит его в полное владение ею.

5. Некоторые или все из этих обрядов и церемоний могут происходить privately. Но сообщество тоже должно непосредственно в них участвовать как через своих представителей, так и в качестве собрания, выражающего во введении в должность гармонию и согласие.

6. Повторяющейся темой в этих церемониях является показ того, что должность обладает реальностью, непрерывностью существования и, можно даже сказать, бессмертием – как институциональный комплекс, отдельный от лиц, ею обладающих, предшествующий им и превосходящий в длительности существования их череду. Это часто связано с материальными реликвиями и знаками отличия, символизм которых сравнительно очевиден.

7. Введение лица, занимающего должность, сферу его полномочий вводит действительная церемония введения в должность. Только после нее он погружается в свою должность целиком, его прежнее мирское Я, так сказать, отбрасывается, и его приверженность своей должности обретает завершенность. Предпосылка, согласно которой должность предшествует ее неизбежно временным обладателям и превосходит их, важна. Она делает понятным находимое во многих обществах неприятие того, чтобы высокая должность, особенно если она имеет большое политико-правовое значение, оставалась незанятой.

Междуцарствия, как я уже упоминал, вопиюще нестабильны. Лозунг «король умер, да здравствует король», объясняющий восхождение на престол наследника сразу после кончины монарха, точнее было бы сформулировать так: «король умер, королевство вечно». Святость, приписываемая высшей политико-правовой должности во многих районах мира и в ранние периоды нашей истории, служит выражением этого принципа.

III

Церемонии возведения в должность очень широко распространены в африканских обществах. Отвечают ли они очерченной мной парадигме? В случае талленси и ашанти — а я буду говорить только о народах, которые лучше всего знаю, — вполне логично было бы начать обсуждение церемоний возведения в должность с культа предков. Умершие прародители, как я уже объяснял в другом месте (см. прим. 28), вовсе не становятся ритуально признанными предками автоматически; те, кто становятся ими, возводятся в предки посредством церемоний, явно аналогичных тем, которым следуют, наделяя должностями живых. У талленси предки возводятся в это состояние в святилищах, сопоставимых с домами живых, а у ашанти предки считаются так же осязаемо привязанными к своим скамеечкам, выкрашенным в черный цвет. Однако для нашего обсуждения лучше подойдет живая должность, и я буду этого придерживаться.

В Африке, надобно заметить, высокая политико-правовая должность имеет обычно рассредоточенную структуру. Королевство и вождество, будь то чисто секулярные или имеющие ритуальную значимость, — это лишь самые высокие и центральные должности в конstellляции взаимозависимых, но обособленных должностей, вне которой они не обладают легитимным существованием (см. прим. 29). Это ясно выражено в церемониях введения в должность. Талленси дают хороший пример этого в комплементарных ролях вождя и *тендаана* (см. прим. 30). Их комплементарное взаимосцепление являет нам особенно интересную ситуацию введения в должность, имеющую более общее значение.

В апреле 1934 г. мне посчастливилось принять участие в облечении должностью и возведении в должность старшего *тендаана* района Тонго. Должность *Гбизуг тендаана* после смерти прежнего обладателя около трех лет оставалась вакантной. Все это время обязанности данной должности, согласно обычаю, выполнялись от имени умершего *тендаана* его старшим сыном, вплоть до завершения похорон его отца. Теперь они завершились, открыв тем самым путь к наследованию. *Тендааны* наследуют должность по праву старшинства в линидже; все знали и соглашались с тем, что законным наследником является Тадижит. И вот, как только завершились похороны предшественника, тот вошел в должность, войдя в родовой дом, отведенный для *тендаана* так же, как резервируются для соответствующих должностных лиц резиденция директора колледжа, епископский дом и, осмелюсь сказать, королевские дворцы. В данном случае, однако, резервирование обусловлено ритуальными, а не экономическими и социальными причинами. Все важные святыни предков и Земли, принадлежащие линиджу, постоянно размещены в этом доме и его округе, и для талленси это означает бессмертное присутствие здесь самих предков. Новый *тендаана*, между тем, не обретал автоматически полномочие выполнять обязанности и пользоваться правами *тендаанства*. Для этого требовались облечение полномочиями и введение в должность.

Мне довелось присутствовать в тот момент, когда новоназначенный *тендаана* и его старшие родичи обратились к вождю, чтобы он объявил его грядущее введение в должность, и меня поразило наставление, завершившее ответ вождя. Без *тендаана*, наделенного присущим его должности правом совершать необходимые жертвоприношения, — заявил вождь, — невозможна реализация их взаимной ответственности за благополучие земли и народа. Мужчина не может держать дом без жены, — заклю-

чил он свою речь, намекая на афоризм, гласящий, что *тендаана* вождю сродни жене.

Вечером накануне введения в должность *тендаана* принес жертвы всем святыням предков и Земли, находящимся на его попечении. Это было сугубо домашнее событие, нацеленное на то, чтобы объявить им о своем грядущем введении в должность и попросить благословения. Назавтра в полдень у дома *тендаана* собралось много людей, принесших дары — сырые продукты. Среди них бросались в глаза *тендааны* из всех соседних селений талленси и сидевшие отдельно от них наму, представлявшие клан вождя (см. прим. 31). По сигналу горна избранный *тендаана* вышел из дома, одетый, как положено по ритуальным правилам, в плащ и короткий передник из шкур животных; на голове у него была веревочная шапка, являющаяся отличительным знаком его должности. Меня поразило, с каким серьезным выражением лица и какой торжественностью он сел перед входом в *зонг* — помещение, в котором размещаются святыни прародителя линиджа.

Руководил церемонией *тендаана* Гбеог, соседнего братского (*сунзо*) линиджа, связанного экзогамией и обязательной взаимностью в ритуальных службах с линиджем Гбизуг. Держа в воздетой руке цыпленка, он объявил, что Тадохит готов принять (*ди*, буквально «съесть») свое тендаанство. Затем он призвал предков и Землю быть свидетелями того, что Тадохит является единственным законным наследником и готов войти в *зонг* своих предков как законный *тендаана*. Прося у них благословения, *Гбеог тендаана* перерезал птице шею, окропил ее кровью землю и бросил ее. Птица встрепенулась и перевернулась на спину. По этому пророческому знаку принятия предками собравшиеся, до сего момента сосредоточенные и неподвижные, разразились приветственными криками. Далее избранный *тендаана*, раздевшись донага, встал лицом ко входу в *зонг*. Рядом с ним встала девочка лет восьми-девяти, державшая обеими руками калабаш с водой. *Гбеог тендаана* и помощник подошли к избранному тендаана и сунули ему под правую руку ненатянутый лук. Он трижды склонился в почтении, и каждый раз девочка обливала его водой из калабаша. Затем он вполз в *зонг*, за ним — распорядитель церемонии и другие *тендааны*. Через несколько минут они в том же порядке выбрались назад. Он крепко прижал к боку лук и стал скорее скользить, чем ползать, туда-сюда через низкий вход; допустить ошибку в этом обряде значило бы для него навлечь несчастье, равнозначное отвергнутости предками.

К этому времени готов полный комплект новой одежды из антилопых шкур, обязательной для *тендаана*, и служители ритуала надели ее на него. Потом все вползли обратно в *зонг*. Под гул разговоров другие мужчины вползали и выползали из него. Затем вновь появилась вся компания, и новый *тендаана* вновь занял место у входа. Далее следовала долгая и напыщенная речь *Гбеог тендаана*; в ней перечислялись ритуальные силы и восхвалялись авторитет и ответственность поста *Гбизуг тендаана*. Ввиду этого, продолжал он, новый *тендаана* выбрал себе имена, которые хочет огласить. Это были следующие имена: *Деебазаа* — «принимаю всех (человечество)»; *Уолбазаа* — «смотрю за всеми»; *Ваабазаа* — «собираю всех вместе». Отныне его должны были знать под этими именами, а не под его прежним именем; это имя стало теперь мертвым. Последовали крики одобрения от собравшихся гостей, после чего молодые мужчины принялись нараспев произносить новые имена *тендаана*, прыгая и ходя по кругу в танце. Танцы и пение продолжались до глубокой ночи, сопровождаясь щедрой раздачей и употреблением всякого рода еды и напитков.

Ночью шёл проливной дождь, а на следующее утро было достигнуто общее согласие, что это — свидетельство благословения предков на введение *тендаана* в должность. Ему определенно было оказано доверие. Он объяснил мне, что по существу уже приступил к исполнению обязанностей *тендаана*, принося жертвы всем святыням Земли, находящимся в его ведении, чтобы объявить о своем вступлении в должность и снискать их благословение.

Два элемента этой церемонии требуют пояснения. Девочка, которая совершает обливание водой — или крещение, если можно так его назвать, — должна быть девственницей. Поэтому в линидже отбирается девочка, еще не достигшая совершеннолетия, чистота которой несомненна. Единственное объяснение этого, которое мне дали, состояло в том, что это — табу (*кийер*) данной церемонии. Здесь я не могу углубляться в детали; замечу только, что девственно чистые мальчик и девочка играют важную роль в магии напоения ядом стрел для охоты и войны. «Грязь» полового сношения, по выражению талленси, «портит» яд. Это крещение, стало быть, есть сокращенная версия процедуры очищения, параллели которой мы находим в других переходных обрядах талленси, перемещающих персону из нечистого, или ритуально незначительного, статуса в статус чистый, или ритуально значимый.

Лук дает ключ к заключенному здесь замыслу. По словам талленси, лук обозначает мужественность, в противоположность женскости. Это я тоже не могу обсудить подробно. Ритуал — епархия взрослых мужчин с полным правовым статусом, и лук символизирует это. Так, он фигурирует во многих церемониях, вызывающих изменения в правовом и ритуальном статусе мужчин. Когда юношей из горных тали посвящают в культ Внешнего *Богара*, необходимое условие обретения ими правового и ритуального статуса взрослого состоит в том, что они должны войти в святилище обнаженными, неся незаряженный лук. Когда прорицателя посвящают в его статус, он несет лук так, как если бы был новообращенным в культ Внешнего *Богара*; если взять пример иного рода, то похоронные обряды для мужчины, дающие ему необходимые качества для возведения в предки, состоят в символической отправке предкам его лука и колчана.

Итак, *тендаана*, отказываясь от одежды, являющей его как человека в мирском («профанном») правовом и ритуальном статусе, и стоя обнаженным как молодой неопит, держит ненатянутый лук как знак своей еще неполной политико-ритуальной мужественности, которая станет завершенной, когда он будет, наконец, допущен к своей должности. Перед этим его символически очищают и представляют предкам. Есть во введении в должность и элемент испытания. Когда он ползает в присутствии предков, нельзя оступиться; они могли бы его поразить, если он когда-то в прошлом грубо их обидел. Но, будучи принятым, он выходит, наделяется полномочиями в акте облачения его в новую одежду — накидку, передник и шапку — и, наконец, утверждается в должности, объявляя свои новые имена. Строжайшим образом требуется, чтобы у него был совершенно новый комплект не только одежды, но и всей амуниции, включая, например, нож, используемый в жертвоприношениях, порученных его должности. Удивительным для меня было то, как его личная манера поведения приспособливалась к этому символическому повторному рождению. До этого он казался аляповатым стариком, теперь же выглядел обретшим неожиданную уверенность в себе, рассудительность и мудрость. Эта сравнительно ясная церемония содержит главные элементы всех форм церемонии введения в должность,

имеющих хождение в Вольте и во многих других частях Африки. В соответствии с часто цитируемой максимой, что обладатель должности не может ввести себя в нее самостоятельно, главным служителем ритуала является братский *тендаана*; кроме того, требуется и демонстрируется согласие всего *тендаанского* братства ареала (см. прим. 32).

В этой церемонии, как и во многих других, включая британскую церемонию коронации, наделение полномочиями сливается с утверждением в должности. Для избранного на должность быть раздетым донага настолько буквально — пожалуй, некоторая крайность, однако идея его разоблачения, символизирующего сбрасывание с него обыденной личности, и облачения его в одеяния, символизирующие наделение его новым статусом, совершенно обычна. Облачение в Королевскую мантию, или «Мантию из золотой парчи», является одним из самых зрелищных эпизодов нашей церемонии коронации. Хороший пример дают тсвана (см. прим. 33). Несомненный наследник поста вождя определяется по правилу первородства. Но он не вступает в права сразу после кончины предшественника. Власть вождя в случае его смерти переходит к регенту, который должным образом представляет нового вождя всем мужчинам племени. Он набрасывает ему на плечи шкуру леопарда и вручает ему ассагай, дубинку и боевой топор, дабы показать, что тот теперь имеет власть над жизнью и смертью своих людей. Нет нужды и говорить, что здесь мы видим параллель происходящему в нашей церемонии коронации наделению монарха «Кольцом королевского достоинства», «Королевским Скипетром, знаком Королевского могущества и правосудия» и «Жезлом справедливости и милосердия» (см. прим. 34). Нет необходимости объяснять и эзотерическое толкование символизма этих знаков отличия.

Вернемся к тсвана. Сразу после наделения полномочиями новый вождь получает от ведущего главы наставление править справедливо, внимательно относиться к своим обязанностям и прислушиваться к своим советникам. Ему могут быть вручены священные горны для вызывания дождя. Завершают церемонию пиршество, распитие напитков и пение победных песен; в них участвует все племя. Вскоре после этого совершается первый политический акт вождя: лечение своей армии.

У яо несомненный наследник поста главы подвергается притворному пленению, после чего следует изоляция, во время которой к нему относятся как к посвящаемому и читают ему назидания, инструктирующие его по поводу обязанностей, табу и ответственностей его должности. После испытания, показывающего, что он свободен от колдовства и что ему можно довериться, его представляют народу, и к нему навевывается с поздравительным визитом вышестоящий вождь (см. прим. 35).

В таких испытательных проверках пригодности к занятию должности нет ничего необычного. Обычай лози вызывает в памяти рыцарское бдение, о котором мы читаем в средневековых романах. Глакмен пишет: «После кончины короля совет выбирает принца-наследника. Затем, в сопровождении Нгамбелы и других советников и принцев, он отправляется ночью “добыть королевство” в Маконо — дом и королевскую могилу Мбуйямвамова, дочери и жены Бога и родоначальницы королевской семьи. Король проводит ночь в бдении у маленького озера, из которого является чудовище, чтобы с ним поговорить. Коротко говоря, здесь избранный король получает королевство от Бога, от своих предков и от земли (природы). И здесь же жрец помогает ему разжечь новый огонь своего царствования» (см. прим. 36). Нгамбела, следует заметить, — главный «делатель королей», и за ним стоит простой люд, в

противоположность королевству. Важно, что его строго отделяют от короля табу, запрещающие спать с ним в одном доме или, например, вместе с ним путешествовать. Схожие правила, как мы далее увидим, применяются к «делателям королей» и в других районах Африки.

Король лози — не священный король, в отличие от шиллукского *рета*. Но манера его введения в должность показывает, что в его случае должность тоже превосходит своего обладателя, ответственного перед своим народом, сверхъестественными силами и предками за тот период, в течение которого он ею распоряжается (см. прим. 37).

Примечания

1. Fortes M. Totem and Taboo // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. № 1966. 1966. P. 5-22.
2. Fortes M. Ritual and Office in Tribal Society // Gluckman M. (ed.) *Essays on the Ritual of Social Relations*. Manchester: University Press, 1962.
3. Анализ церемоний коронации, предложенный Хокартом (Hocart A.M. *Kingship*. Oxford: Clarendon Press, 1927), насколько я знаю, остается непревзойденной попыткой сравнительного и обобщающего исследования церемоний этого типа. Его тезис об общем и уникальном историческом происхождении этих церемоний несколько не обесценивает его схему классификации, которую я нашел вдохновляющей и полезной.
4. Schramm P.E. *A History of the English Coronation*. Oxford: Clarendon Press, 1937.
5. Quaritch-Wales H.G. *Siamese State Ceremonies*. L.: Bernard Quaritch, 1931.
6. Mauss M. Essai sur le don // *Année sociologique*. (N.S.) 1945. T. 1. P. 30-186.
7. См., например, великолепные статьи в: Hastings J. (ed.) *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. Edinburgh: T. & T. Clark; N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1908-1926.
8. Schramm P.E. *Op. cit.* Ch. 5.
9. Ratcliffe E.C. *The Coronation Service of Her Majesty Queen Elizabeth II*. Cambridge: University Press, 1953.
10. Jouvenel B. de. *Sovereignty*. Cambridge: University Press, 1957. P. 95-97.
11. См. прекрасный обзор в: *The Listener*. 1953. См. также авторитетные описания и исторический анализ коронационной службы: Ratcliffe E.C. *Op. cit.*; Schramm P.E. *Op. cit.*
12. См.: Hocart A.M. *Op. cit.*; Quaritch-Wales H.G. *Op. cit.* Новейшие примеры см. в: Forde D., Kaberry P. (eds.) *West African Kingdoms in the Nineteenth Century*. L.: Oxford University Press, 1967.
13. Goody J. (ed.) *Succession to High Office / Cambridge Papers in Social Anthropology*. Vol. 4. Cambridge: University Press, 1967.
14. Fortes M. Ritual and Office...
15. Goody J. (ed.) *Succession to High Office*. P. 170-171.
16. Fortes M. Ritual and Office...
17. Maine H.S. *Ancient Law*. London, 1861.
18. Pollock F., Maitland F.W. *History of English Law before the Time of Edward I*. Cambridge: University Press, 1898.
19. В ранее цитированной статье (1962) я уже давал ссылки. См. также: Maitland F.W. Introduction // Gierke O. *Political Theories of the Middle Ages*. Cambridge: University Press, 1900. Относительно «Монархии как должности» Гирке отмечает: «Связь между Монархом и Сообществом устойчиво понималась как связь, заключающая в себе взаимные права и обязанности... Положение господина никогда не было просто правом; прежде всего оно было обязанностью; оно было божественным, но как раз по этой самой причине обременительным призванием; оно было публичной должностью, служением всеобщему телу...» (Ibid, P. 34).
20. Evans-Pritchard E.E. *The Divine Kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan*. Cambridge: University Press, 1948.
21. Ibid. P. 79.
22. *Cambridge News*. October 4, 1966.
23. Я признателен ректору Королевского колледжа за разрешение сослаться на эту церемонию.
24. Детали этих процедур полностью установлены в Инструкции о богослужении, специально напечатанной для возведения в чины.
25. «XVI век стал свидетелем конца однодневного междуцарствия; с тех пор новое царствование стали отсчитывать от кончины предшественника, и тем самым установился сохраняющийся по сей день принцип, что король никогда не умирает» (Schramm P.E. *Op. cit.* P. 167). Вспомним, как Ее величество королева Елизавета II сразу, как только было объявлено о кончине ее отца, прилетела из Уганды, дабы занять свой пост. Одновременно она объявила о своем согласии с распоряжениями по поводу похорон отца, а вскоре после этого — о своем повелении, чтобы ее, ее детей и потомков по мужской линии называли Домом Виндзоров.

26. Schramm P.E. *Op. cit.* P. 147.
27. Hocart A.M. *Op. cit.*
28. Fortes M. Reflections on Ancestor Worship in Africa // Fortes M., Dieterlen G. (eds.) *African Systems of Thought*. L.: Oxford University Press, 1964.
29. Richards A.I. Social Mechanisms for the Transfer of Political Rights in Some African Tribes // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1960. Vol. 90. P. 175-190.
30. Fortes M. The Political System of the Tallensi // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. L.: Oxford University Press, 1940; Fortes M. *The Dynamics of Clanship among the Tallensi*. L.: Oxford University Press, 1945.
31. Fortes M. *The Dynamics of Clanship...*
32. В 1967 г. м-р Дж. Кит Харт, проводя полевые исследования в северной Гане, провел некоторое время в Тонго и имел возможность засвидетельствовать ту же самую церемонию при введении в должность *Гбизуг тендаана* классификационного внука Тендаана Тадихита. Комментируя мое описание, он отмечает (в личном сообщении) ряд расхождений между тем, как он увидел церемонию и как она была представлена в моем отчете. Важнее, однако, его ссылка на элемент, который я опустил в своем описании, так как не мог проверить точность сведений, предоставленных мне, к моему удовольствию, в самом начале моей полевой работы. Мне сказали, что накануне введения в должность избранного тендаана запирают на ночь в помещении, содержащем все святыни предков, и он остается там один. Было сказано, что он лежит на полом бревне. Если он переживет это испытание, то это знак того, что он принят предками; если нет – то, значит, не годится на должность. М-р Харт сообщает мне о получении надежной информации о том, что такое испытание – часть церемонии. Должен добавить, что м-р Харт выяснил это совершенно независимо от меня. Такого рода испытания, как я скажу позже, часто обнаруживаются в церемониях введения в должность, и я признателен м-ру Харту за то, что он обратил мое внимание на их присутствие в церемонии введения в должность *тендаана*.
33. Schapera I. *A Handbook of Tswana Law and Custom*. L.: Oxford University Press, 1938. P. 59 и далее.
34. Ratcliffe E.C. *Op. cit.* P. 48.
35. Mitchell J.C. *The Yao Village*. Manchester: University Press, 1956. P. 114-117.
36. Gluckman M. The Lozi of Barotseland in North-Western Rhodesia // Colson E., Gluckman M. (eds.) *Seven Tribes of British Central Africa*. L.: Oxford University Press, 1951. P. 47.
37. Нынешний Асантехене, Нана сэр О.А. Премпе II, рассказал мне в неформальной беседе, что испытание, не так уж сильно отличающееся от того, о котором здесь сказано в связи с королем лози, претерпевается избранным Асантехене перед финальными стадиями введения его в должность.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Окончание следует